

«Из комнаты выходит Васенька. Он в телогрейке, за его плечами рюкзак.

ВАСЕНЬКА. Большое оживление в семейной жизни... Ну что ж, продолжайте, я желаю вам всего хорошего.

САРАФАНОВ. Сынок-сынок, неподходящий момент для выяснения наших семейных...

ВАСЕНЬКА. Нет, папа! На этот раз ты меня не остановишь.

БУСЫГИН. Послушай, старина, бросай мешок, не надо так спешить.

ВАСЕНЬКА (Сарафанову). Зачем ты ходил к ней ночью? Кто тебя просил?

САРАФАНОВ. Сынок, я хотел тебе добра, я делал это всё для тебя.

ВАСЕНЬКА. Лучше бы ты обо мне не заботился! Прощайте!

САРАФАНОВ. Я прошу прощения, я на колени встану перед тобой, но я запрещаю тебе уходить.

БУСЫГИН (Васеньке). Послушай, старина, а как же наш уговор?

ВАСЕНЬКА. Пусти! Вы все мне осточертели! (Сарафанову) Видеть тебя не могу! (Бусыгину) И тебя тоже!

САРАФАНОВ. Что ты сказал? Так о родном брате? (Указывает на дверь) Убирайся! Сию минуту! Силой тебя оставлять не будем! Убирайся!..»

*Александр Вампилов. «Старший сын»*

Мы были добрыми соседями много лет ещё с общежитских времён. Занимали по комнатке в угловом «аппендиксе» у туалета. Трудились также на одном предприятии: мы с супругой – на производстве, мать-одиночка Валя – в техническом бюро. Наши дочери были ровесницами.

И как же мы обрадовались новому соседству, получив квартиры в одном углу лестничной клетки панельной девятиэтажки, дверь в дверь. Всегда учтиво раскланивались, христосовались на пасху, менялись куличами, поздравляли друг друга с Новым годом. Присматривали в их отсутствие за кошкой, а Валя, помнится, печатала мне реферат. Её дочка Катя нередко заходила к нам поиграть – на журнальном столике остался на память выжженный кругляшок полировки: она пыталась показать моим детям какие-то опыты. Дай Бог всем таких соседей. Позже Валя перевезла к себе больного отца, но прожил он недолго, я помогал с похоронами.

Вскоре пришли новые времена Перестройки и начала «реформ». Наше предприятие залихорадило, начались задержки зарплат, увольнения, сокращения. Я подался на «вольные хлеба»: стал предпринимателем. И дела пошли. Вскоре мы

с компаньоном арендовали в одном подвале приличное помещение под склад, сидели там по очереди, да жёны наши помогали.

Сталкиваюсь однажды с Валеё.

– Привет, Валь! Чего такая грустная? Случилось что?

– Да-а... Ликвидируют наше техбюро, меня сокращают. Как выживать ума не приложу...

Тут меня осенило.

– Слушай, а давай к нам! Нам как раз завскладом нужен! С зарплатой не обидим.

– Спасибо, я подумаю...

Через несколько дней Валя приступила к работе.

Шло время, дело развивалось, склад рос. Мы не могли нарадоваться за Валью – старательная, ответственная, аккуратная, распорядительная. И главное, ей нравилось – пусть небольшая, но всё же начальница. Позже под её руководством стали трудиться несколько работников. Зарплату мы не задерживали никогда, угощали и премиями по результатам работ. Словом, всё обстояло более-менее, с поправкой, разумеется, на специфику «лихих 90-х».

\* \* \*

Я не заметил, когда Катя успела превратиться из гусеницы в бабочку. И не в какую-то там капустницу или даже лимонницу – в махаона! Период «окукливания» пришёлся на лето – она куда-то уезжала. Помню, столкнувшись с ней у подъезда погожим сентябрьским днём, только и смог выдохнуть изумлённо: «Катка, это ты что ли?» Высокая, стройная, длинноволосая красавица. Огромные карие глаза, с голубоватыми белками и лёгкой поволокой. Вот только озадачило их выражение: несколько хамовато-высокомерное. Потом несколько раз застукал её с сигаретой. Подумалось

незначай: «М-да... ждём развития сюжета...» Девчонке шёл шестнадцатый годок.

Ухажёры не заставили долго себя ждать. Со временем остался один – видный мажорчик, сын обеспеченных родителей, он не раз катал восторженную Катю на их яхте. Правда, когда они курили на балконе, у меня уши «сворачивались в трубочку» от их диалогов.

Катька стала постоянно «наезжать» на мать. Собиралось в кучу всё: ты – «лохушка» без высшего образования, живём, как «обсосы в мастёвой однёшке», «башлей» у тебя никогда не было и не будет... Голос у Катьки немного басовитый, а слышимость в панельном доме потрясающая. Обиднее всего были упрёки, типа, «даже мужики на тебя не «смотрют». Что правда, то правда, мужчин с Валею я не видел ни разу, но её привлекательность тут ни причём: любящая самоотверженная мать, она всецело отдавала себя дочери.

Отповедей Валею дочери-хамке мы не слышали, зато её горестные всхлипы – постоянно. Я не раз порывался сходить к ним, но жена останавливала: не твоё дело, сами разберутся.

В тот день я был особенно уставшим и раздражённым. Вечером, как по расписанию, начался очередной «наезд» юной хамки на мать. И я не выдержал.

Дверь на звонок открыла заплаканная Валя. Я, влетев в комнату, сразу взял «с места в карьер».

– Слышь, Катька, ты, когда заткнёшься, а?! У нас всё до словечка слышно! Мать до слёз довела! Соплячка ещё, на мать «наезжать» – она и так все силы на тебя, неблагодарную, тратит, а тебе, гляжу, глубоко на это наплевать!

– А Ваше-то какое дело?! Чё орёте-то? За «базар» отвечаете?! – Катька была в запале, но на «ты» ко мне всё же не перешла.

Моё детство и юность прошли в Казани во времена войн группировок гопников. В Перестройку, когда я уже уехал из

Казани по распределению, это явление получило широкую известность под названием «казанский феномен». «Косить под гопника» умел любой казанский пацан, впитанные с детства рефлексы не выветрились из меня до сих пор. И в тот момент я отчётливо понял: «клин клином вышибают», и до Катьки дойдёт, только если я «врублю гопника». Ладно, думаю, Валя простит: как-никак не для себя стараюсь.

– Чё-ё-ё-о-о-о?.. Ты, в натуре, овца, на кого хвост пружинишь? «Отвечать за базар»? Перед кем? Перед твоими салабонами что ли? Давай сюда, я перебью их как щенят! Кар-р-р-роче, кончай на мать пасть открывать, а то я её тебе точно заткну! Всосала?! – Не забыл и про фирменный акцент гопника: говорил гнусаво, немного растягивая слова.

Катька опешила: такого дядю Петю она не видела никогда. Первый эффект удался: наступательный порыв юной хамки был сбит, но боевой настрой остался, что было видно по её наглой физиономии. Глаза Катьки сузились, лицо скривила презрительная усмешка. Сообразил: с предполагаемыми защитниками я, похоже, промахнулся, вспомнив её несколько раз увлечённо общающейся с местным авторитетиком – рэкетиром по кличке Махоня. Поэтому продолжил.

– Давай «побазарим» конкретней. Твоя мать работает у нас, так? Мы её очень ценим, но каждый раз после твоих «наездов» она работает намного хуже, потому что переживает, плачет, не может сосредоточиться. В результате, ошибается, а мы из-за этого несём убытки. Если ты решишь кого-нибудь подтянуть, нет проблем: давай «забьём стрелку», но я расценю это уже как «наезд» на нашу контору и тоже подтяну свою «крышу». Устроит?

Наглая самоуверенность сошла с Катькиного лица: вопрос обретал серьёзный оборот, и, похоже, её намёки на «крышу» не «проканают». Я решил поставить точку.

– Кар-р-р-роче, если ты ещё хоть раз раскроешь на мать свой хавальник, будешь иметь дело со мной! Больше «наезжать» на неё я тебе не дам! Врубилась?! Всё, давай! – И я, бабахнув входной дверью, ушёл.

Некоторое время Катька со мной не здоровалась, но при встрече глаза отводила. «Наезды» на Валю прекратились, сама она о случившемся разговор не заводила, однако общее настроение у неё заметно улучшилось. Я же делал вид, что ничего не произошло.

Наконец первый звоночек: Катька однажды чуть слышно поздоровалась. Я, широко улыбнувшись, ответил: «Здравствуй-здравствуй, Катенька, как твои дела?»

– Ничего...

\* \* \*

Только спустя год Валя поведала, что же произошло сразу после моего ухода по завершении «воспитательной процедуры».

Какое-то время Катька молчала, переваривая услышанное. Молчала и Валя. Однако вскоре на лицо дочери вернулась хамоватая гримаса.

– Не, а «ващце», какое дядя Петя имеет право на меня «наезжать»? Он, в натуре, кто такой? Совсем оборзел! Чё, сильно крутой стал что ли? Да я завтра же пойду в ментовку, «накатаю заяву», что он меня домогается! Я несовершеннолетняя! И потом приколюсь, как он попляшет, когда его «возьмут за хобот»!

Валя не поверила своим ушам. А ведь, чёрт возьми, действительно пойдёт и напишет, ума хватит. И на кого?! На дядю Петю, который знает её с самого раннего детства, который помог похоронить дедушку, выручил в критический момент жизни. Единственный в мире человек, который заступился.

Вспышка гнева ослепила Валу. Она подскочила к дочери и со всей силы наотмашь врезала ей по щеке! Била не за себя – за дядю Петю! Сработал, своего рода, «синдром Сарафанова» – героя пьесы Вампилова, неудачника, который постоянно терпел обиды от своего безнадежно влюблённого во взрослую женщину сына-школьника, регулярно порывавшегося из-за этого уйти из дома. Ещё мгновение назад не в меру заботливый отец был готов в очередной раз унизиться перед сыном, встать на колени, проглотить очередное оскорбление. Но когда потерявший от страсти голову сынок незаслуженно нахамил только что нашедшемуся старшему брату, терпение Сарафанова лопнуло, и он сам указал неразумному дитяти на дверь.

Удар Вали оказался сильным и неожиданным – Катьке и в голову не приходило, что мать способна на такое. Голова дочери от удара резко дёрнулась, даже послышалось, как хрустнули шейные позвонки. Катька несколько раз судорожно вдохнула воздух и, закрыв лицо руками, горько-горько, с надрывом по-детски заплакала.

Вспышка гнева исчезла так же внезапно, как и возникла. Вале стало безумно, до боли сердечной жаль дочку. «Доча!!! Прости! Доченька моя-а-а-а...» – заголосила мать и, тоже заревев, крепко обняла Катю... Так они стояли и, обнявшись, плакали. Плакали долго. Время остановилось. Во всём мире существовали только они — мать и дочь, самые близкие, самые родные друг другу люди на свете. А потом настала пора Разговора. Они впотьмах лежали на кровати и, продолжая обниматься, говорили-говорили обо всём до глубокой ночи. Вполголоса, взхлёб, как будто не общались целую вечность. И не могли наговориться. И только когда робко засерело пред-рассветное небо, они, всласть наревевшиеся и обессиленные, уснули, положив между собой на подушку старенького мишку, с которым так сладко засыпалось Катеньке, когда она была ещё совсем маленькой...

Наутро Катя проснулась другим человеком. И хотя мозги, в целом, «встали на место», несколько раз «наезжать» на мать ещё пыталась. Однако, бросая с опаской взгляд на стенку, успокаивалась. Да уж, «гопник» у меня удался. А что не здоровалась какое-то время – ерунда. Каждый раз, сталкиваясь с ней, я подмечал что-то новое: изменились к лучшему выражение лица, поведение, манера одеваться. Катя взялась за учёбу, ухажёра-мажорика я больше с ней не видел. С сигаретой тоже не замечал. Валя тихо светилась от радости.

Через год у нас проводился конкурс красоты. Катя решила поучаствовать – она к тому времени уже училась в институте. После её заслуженной победы – интервью в местной телестудии. Идеальную фигурку победительницы облегалo красивое элегантное платье, через плечо — красная лента, голову украшала недорогая, но изящная диадемка. Радостная взволнованная Катя немного рассказала о себе, поблагодарила организаторов и участников конкурса. В завершение интервью очаровательно улыбнулась и, сделав паузу, сказала в объектив камеры: «Спасибо тебе, мамочка, что вырастила меня такую!»

А мамочка в это время заливалась слезами счастья у телевизора. Что ещё нужно матери? Размазывая слёзы по щекам, она горячо шептала: «И дяде Пете... дяде Пете...» Оказавшемуся в нужное время, в нужном месте.

Вот и вся история, завершившаяся, как и «Старший сын» Вампилова, хеппи-эндом. Давно разъехавшись, мы перестали быть соседями, но по-прежнему трудимся с Валею в одной организации. А Катя окончила институт, вышла замуж, родила двоих очаровательных детей, в которых так же не чаёт души счастливая бабушка.